

— Я хочу сказать, что мы проведем Новый год в другом месте, — улыбнулся Чжао Цинфэн, поворачиваясь, чтобы взять Улиня под уздцы.

— В другом месте? — Цинь Хуань удивился, но тут же вспомнил о важном деле. — Ты уже был у князя Цзи? Как ты так быстро вернулся?

Чжао Цинфэн с сожалением вздохнул и, обернувшись, посмотрел на Цинь Хуаня:

— Конечно, я был у князя Цзи. А насчёт того, почему так быстро, — ты ошибся в одном.

— У тебя всё в порядке? — сердце Цинь Хуаня сжалось, и он схватил Чжао Цинфэна за рукав, вспоминая все их планы, но не находя в них серьезных изъянов.

Чжао Цинфэн улыбнулся, покачав головой, и взял руку Цинь Хуаня в свою:

— Ничего серьезного. Просто ты не учел, как поведет себя старик, потерявший сына.

— Да... — Цинь Хуань сразу понял, что имел в виду Чжао Цинфэн, и с легкой усмешкой покачал головой. — Да, я ошибся. Сегодня он вряд ли захочет увидеть кого-то постороннего.

— Верно. Сегодня он хочет провести время с женой и оставшимися сыновьями, а не принимать гостей, — вспомнил Чжао Цинфэн свой сегодняшний поспешный визит. — Однако не всё было напрасно. Князь Цзи принял мой подарок и предложил встретиться после праздников.

«Камнем», который Чжао Цинфэн использовал для проверки, была статуя Будды, вырезанная из цельного Камня Небесной Реки. Хотя она и не обладала таким весом, как Карта каналов Цинь Хуаня, она всё же имела особое значение. На пиру он подарил императору и императрице лишь несколько мелких камней, а князю Цзи — цельный камень, что явно говорило о его приоритетах.

Как «простой человек», Чжао Цинфэн ясно дал понять князю Цзи, что в его глазах дом князя Цзи стоит выше императорской семьи.

— Вот как всё произошло. Я передал подарок и вернулся, — сказал Чжао Цинфэн, садясь на коня. — Но на обратном пути я подумал: если князь Цзи хочет провести Новый год с семьей, то уж нам-то тем более стоит это сделать.

— Так куда ты собираешься меня вести? — улыбнулся Цинь Хуань, взяв протянутую руку Чжао Цинфэна и позволив ему посадить себя на коня.

Чжао Цинфэн обнял его, поправил одежду и поцеловал в щеку:

— Естественно, туда, где будет весело.

С этими словами он пустил Улиня в галоп прямо по дворцовым аллеям.

Цинь Хуань предполагал, что Чжао Цинфэн отвезет его в загородный дом, но тот, выехав за пределы дворца, даже не подумал останавливаться, направляясь прямо к западным воротам Столицы Великого Спокойствия.

— Ты с ума сошел, выезжать из города в такое время! — Цинь Хуань, видя, что ворота уже близко, а они давно закрыты, закричал, несмотря на то, что ветер резал лицо.

Чжао Цинфэн, смеясь, прикрыл лицо Цинь Хуаня плащом, крепче обнял его и продолжил

движение. Когда стражники попытались остановить их, он достал из-за пазухи табличку и бросил ее перед ними:

— Маркиз Чжуннин Чжао Цинфэн по приказу выезжает из города, чтобы навестить Северо-Западную армию.

Стражники, проверив табличку, не стали задавать вопросов и открыли ворота.

Только выехав за город, Цинь Хуань откинул плащ:

— Ты всё заранее подготовил?

Чжао Цинфэн, погоняя Улиня, ответил, его слова едва слышны из-за ветра и топота копыт:

— Я подарил князю Цзи такой большой камень, так что должен был получить что-то взамен.

— Значит, мы едем в лагерь? — Цинь Хуань, прижавшись к теплой груди Чжао Цинфэна, начал улыбаться. Пейзаж по бокам быстро мелькал, а впереди, в темноте, вдруг появились несколько огней. По мере приближения они слились в сплошное море света, освещая ночное небо.

Улинь, словно вдохновленный этим зрелищем, радостно заржал и без понуканий понесся прямо в центр освещенного лагеря.

— Генерал вернулся! — кто-то крикнул первым, и солдаты стали собираться вокруг, держа в руках факелы и кувшины с вином, громко приветствуя:

— Генерал вернулся!

Чжао Цинфэн махал им рукой, а несколько заместителей, услышав шум, тоже вышли наружу. Молодой офицер Сюэ Вэй, самый зоркий из них, сразу узнал Цинь Хуаня и с улыбкой крикнул:

— Генерал привез с собой его высочество!

Окружающие солдаты, услышав это, стали ещё более возбужденными. Факелы в их руках размахивались ещё активнее, и холод зимней ночи был полностью разогнан.

— Его высочество тоже здесь!

— Генерал привез его высочество праздновать с нами!

Чжао Цинфэн, рассмеявшись, спрыгнул с коня и, не выпуская Цинь Хуаня из плаща, поставил его на землю. Эти три тысячи отборных солдат были его личным набором за последние десять лет, и он не собирался ничего скрывать. Он громко крикнул:

— Да, его высочество здесь! Быстро принесите хорошее вино и еду, чтобы его высочество мог с нами отпраздновать Новый год!

Услышав это, солдаты ещё больше обрадовались, и весь лагерь погрузился в шум, все наперебой старались принести лучшее к главной палатке. Цинь Хуань, заразившись атмосферой, вместе с Чжао Цинфэном и заместителями подошел к костру перед палаткой и сел на расстеленные шкуры.

Никаких интриг, никаких сложных планов — перед ним была простая и чистая радость. Большие куски оленины жарились на костре, жир капал на раскаленные угли, выбивая искры.

Солдаты Северо-Запада, освобожденные от запрета на алкоголь, одной рукой рвали слегка поджаренное мясо, а другой держали кувшины с ледяным вином, которое, попадая в горло, словно обжигало, согревая изнутри.

Цинь Хуань, выпив несколько глотков вина у костра, почувствовал, как тело разогревается. Он снял тяжелый плащ и собирался отбросить его в сторону, но Чжао Цинфэн остановил его:

— Эй, ночью в поле всё ещё холодно. Не спеши раздеваться.

Цинь Хуань, уже не в силах терпеть, посмотрел на руку Чжао Цинфэна, лежащую на его груди, а затем на кувшин с вином у его ног, и улыбнулся:

— Разве я так слаб? Если сегодня ты не позволишь мне снять плащ, я не позволю тебе пить.

Чжао Цинфэн удивился, но тоже рассмеялся, наклонившись к Цинь Хуаню, его дыхание, пахнущее вином, коснулось его носа:

— Что, даже в Новый год ты не снимешь с меня запрет на алкоголь?

Цинь Хуань чуть не поддался его чарам, но в самый последний момент оттолкнул руку Чжао Цинфэна и сбросил плащ, взял кувшин и отпил большой глоток, его улыбка ярко сияла в свете костра:

— Конечно, сниму. Я буду пить с тобой.

Едва он закончил фразу, как Чжао Цинфэн притянул его к себе и поцеловал в губы, ещё влажные от вина. Поцелуй был нежным, но властным, добавляя к жару вина ещё больше страсти.

Едва они разошлись, как солдаты снова начали звать Чжао Цинфэна. Они построили высокую платформу, чтобы устроить соревнования в разгар веселья.

Чжао Цинфэн и Цинь Хуань обменялись взглядами, оба полные азарта, и, не обращая внимания на холод и ветер, подошли к платформе в окружении заместителей.

Боевые навыки, отточенные на поле боя, не имели ничего общего с изящными приемами, но в этой грубой схватке была своя красота. Кувшины с вином разбивались о деревянную платформу, пот смешивался с вином, разлетаясь во все стороны, а крики и аплодисменты не стихали до глубокой ночи...

Городские сторожевые колотушки не могли пробиться сквозь шум и веселье лагеря. Вино разлилось по столам, и солдаты, уставшие после ночи игр, но всё ещё полные энергии, сидели у костров, встречая Новый год и не желая расходиться.

Цинь Хуань тоже устал, прислонившись к плечу Чжао Цинфэна. Под ним была мягкая шкура, а перед глазами всё ещё горел костер, и он начинал дремать.

Чжао Цинфэн нежно поглаживал его спину, время от времени отпивая из кувшина, и тепло его тела заставляло Цинь Хуаня прижиматься ещё ближе.

*

Бескрайние просторы, бесконечные пески — восточный ветер не дойдет, северный поднимется

—

Горы и реки скрыты, пустыня повсюду — пустыня повсюду, но это всё равно наша земля!

*

<http://bllate.org/book/16488/1498201>